

НЕВОЗМОЖНАЯ КНИГА

*Пропущенная
страница*

МИХАИЛ ИВАНОВ

Михаил Иванов

Невозможная книга.

Пропущенная страница

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69548488

SelfPub; 2023

Аннотация

Талант и тяга к творчеству – вещи иррациональные и непредсказуемые, способные подчас принимать странные формы. Тем более, когда в их взаимодействие вплетается ещё одна настолько же не управляемая рассудком сила – дружба. Они были друзьями с детства, но время и обстоятельства развели их. Оба по-своему талантливые, один посчитал, тем не менее, что друг его обладает особым даром. На что он решился ради друга и его дара? Какие границы оказался готов перейти? Дуплекс-рассказ о мистике творчества и одержимости целью.

Содержание

Невозможная книга	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Михаил Иванов

Невозможная книга.

Пропущенная страница

Невозможная книга

Хорошая книга – какая она? Наверное, прежде всего искренняя, заставляющая верить в то, что происходит на её страницах. Хорошая книга цепляет с первой строчки и скоро овладевает тобой целиком – твоим разумом, воображением и даже временем, – и не отпускает до строчки последней. Она вызывает внутренний отклик, эхо от которого долго живёт в сердце, так что её хочется перечитать, открывая, быть может, новые грани и смыслы.

На свете много хороших книг, и каждый из нас может назвать несколько, которые читал, а также объяснить, чем они хороши. Но если с хорошей книгой всё в принципе ясно, то как быть с лучшей? Лучшая книга – в чём её суть? Вопрос, на первый взгляд, весьма несложен, если не примитивен, – но попробуй-ка ответить! Однако случилось так, что я, далёкий, в общем-то, от литературы человек, вплотную подошёл к ответу...

Мы были знакомы со школы, класса, наверное, с третьего, когда он появился в дверях – растерянный и как будто немного не от мира сего, и учительница представила новенького: Иннокентий. Все засмеялись над непривычным для слуха именем. А мне стало не то чтобы жалко этого невысокого худощавого пацана в отглаженной, но далеко не новой форме, – скорее, мне почему-то показался несправедливым смех одноклассников. И как-то так получилось, что я взял шефство над Кешкой, а совсем скоро мы и вовсе стали не разлей вода.

Было ли с ним интересно? Его голова всегда была полна странных, захватывающих воображение мыслей! Был ли он хорошим другом? Он никогда не отказывал в помощи, даже не задумываясь, полностью отдавая себя! Сейчас мне кажется, что он и вовсе не думал о себе.

У Кешки была своя страсть: он любил разбирать и собирать заново всё, что только попадало ему в руки, и проверить этот трюк он был готов с чем угодно. Его особым сокровищем была груда металлических деталей – разные реечки, колёсики, панели, винтики, гаечки, уголки – из которых он сооружал непостижимые для меня конструкции. А ещё Кешка, как и многие, пожалуй, мальчишки нашего возраста, склеивал пластмассовые модели из набора деталей – но каждый раз ему становилось скучно и он всё переиначивал, создавая что-то своё. У него в комнате было полно этих големов – непонятно для чего предназначенных машин и ме-

ханизмов. Хотя, возможно, непонятных только для меня.

Наверное, всё-таки мы были очень разными. Но мы же были детьми! Мы оба любили приключения. Мы ввязывались в какие-то авантюры и разрабатывали невозможные проекты. Мы мечтали. Грезили о дальних странах и неизведанных планетах. Мы читали книги: одни и те же, по очереди. Потом, наравне с детским прожектёрством и изобретательством, стали придумывать истории сами. Вечная тройка по русскому отнюдь не мешала Кешке в сочинительстве: «Запятые – дело наживное, – отмахивался он, – главное в книге не буквы и знаки, даже не сюжет – идея».

Примерно в конце восьмидесятых он снова перевёлся в другую школу. Не знаю, что было тому причиной – развод родителей, быть может, и возникшие в связи с этим проблемы? – однако ещё какое-то время мы продолжали встречаться, что-то придумывать, о чём-то мечтать. Но уже реже. В девяностые мы потеряли связь.

Снова увиделись мы только лет через десять-пятнадцать, на встрече выпускников. Разговорились. Я будто окунулся в школьные годы: увидел перед собой того же мальчишку – мечтателя, сбегавшего от скучных учебных будней в свой особенный мир.

Он пытался рисовать («писать», как он говорил) и писать – тексты, истории. Кешка рассказывал о своей деятельности, а я путался, не отличая, когда он говорит о живописи, а ко-

гда о литературе. Впрочем, для него самого эта разница была не принципиальна. Ну а то, что выходило из-под кисти и пера неформала-экспериментатора, как можно было догадаться по его же оговоркам и умолчаниям, вгоняло в недоумение всех окружающих. Насколько я понял, Кешка так и не продал ни одной картины и не опубликовал ни одного рассказа. И всё же, несмотря на непрерывную череду неудач, он упорно продолжал изобретать изображения и тексты, пытается достичь только одного его устраивающего идеала.

«Лучшее произведение – какое оно? Что из себя представляет? – рассуждал мой вновь обретённый друг детства. – Может, лучшее – это которое растёт в цене и активнее всех продаётся? Или которое имеет личную ценность для самого автора? Или всё-таки которое пользуется наибольшей популярностью у публики, собирая восторженные отзывы и новые орды поклонников? Или лучшее – это суть грамотный, проработанный во всех отношениях конструкт, создающий безупречно-гармоничный образ, и заслуживший в итоге максимум благосклонных оценок виднейших профессиональных критиков и искусствоведов? Или, в конце концов, лучшее произведение – то, которое, как говорят некоторые, ещё не написано? Чушь! Предвзятые, однобокие, субъективные оценки! Неустойчивые во времени и сознании критерии никак не способны дать точного определения или хотя бы интуитивного, но более-менее ясного понимания феномена, о котором все говорят, но который неуловим настолько, что

кажется, будто его нет! Так существует ли в действительности лучшая картина? Лучшая книга – реальна ли она?..»

Я поддакивал и улыбался, удивляясь его занятым размышлениям и выводам, – я будто опять стал маленьким мальчиком, которому было хорошо с другом, полным выдумок, затей и проказ.

Мы снова стали встречаться. Не часто, но засиживались за общением подолгу. Пару раз – у меня, но большей частью в разных дешёвых кафешках-забегаловках. Помню, там, среди запахов общественной столовой, он даже зачитывал мне отрывки из своих опусов – неясные, неконкретные, оставлявшие в душе чувство подспудного беспокойства, как будто неведомое океанское животное заворочалось спросонок в непроглядной глубине.

Ещё один раз он вытащил меня за город, в дачный дом, где непонятная мне компания обсуждала непонятные мне темы. Там было довольнолюдно, но отчего-то не тесно. Может, благодаря почти забытой мною негородской чистоте и свежести воздуха, словно целиком состоящего из ароматов цветущих трав с едва уловимой ноткой базилика на фоне бархатного звучания нагретой солнцем рассохшейся древесины, а может, просто от отсутствия преследующей меня уже долгие годы нескончаемой суеты... Какая-то девица поздоровалась с Кешкой, назвав Кеном, кто-то походя бросил: «Иной». В ответ на моё недоумение Кешка, хмыкнув, сказал, что на са-

мом деле имеет всего четыре имени. Если, правда, сложить его четырежды десять прозвищ.

Все что-то пили из мутных стаканов, я же лишь пригубил, опасаясь последствий употребления похожего на низкосортный портвейн пойла. Кешка, однако, не побрезговал, и язык его развязался не на шутку.

«Мы пишем книги. Каждый о своём и вместе о чём-то общем. Каждый в меру способностей и, хотелось бы думать, таланта, – разглагольствовал он, весь в кольцах терпкого дыма из трубки, которую курил тут же тощий и лохматый персонаж, за чёрными космами начисто скрывавший не только лицо, но и возраст. – Мы мечтаем реализовать талант, создав самую лучшую книгу, – имея, однако, весьма туманное представление о ней! И вот мы работаем, прилагаем усилия, стремимся к мечте, с каждой новой попыткой ожидая достичь желаемого. Временами, озарённые музой, даже как будто видим своё сокровище где-то в просветах многостраничного вороха труднопреодолимой банальщины, и рвёмся к видению с безрассудной ошалелостью измождённого до галлюцинаций марафонского бегуна, заплетаясь фразами, не вписываясь в формат... Рвёмся, бежим, спотыкаемся... Бывает, сам порой перестаёшь верить в сказку о том, что финиш реален, и великим чудом воспринимаешь момент, когда дистанция оказывается позади и – вот он, приз!»

Волосатый похмыкивал, кивал и всё пускал свои духовитые, странно приятные, однако вызывающие резь в глазах

кольца, и последним, надо сказать, несколько меня раздражал. Но моему другу это, кажется, не мешало, и он говорил, говорил...

«Вот он, лежит перед тобой на столе – результат испытания нервов на прочность, крайний предел творческих возможностей! Онако проходит время, и ты с болью (а когда и со стыдом!) понимаешь: вожденный приз – всего лишь за участие, а на самом-то деле как не было её, «самой лучшей», так и нет! Ты пытаешься как-то осознать этот факт, потом смириться, принять... и – взрываешься: душа противится компромиссу! Ты напрягаешь интеллект (или что там у тебя, дурака, бездарности, вместо него!), пинками в чувство собственного достоинства заставляя себя разобраться без эмоций в причинах очередной неудачи!..» – «Так ли уж без эмоций?» – вставил свои ироничные пять копеек я, отгоняя вьющуюся у недопитого стакана осу. «Вопреки столь оголтелому надругательству над законами конструктивного мотивирования, иногда подобное насилие, надо сказать, помогает, – не заметил насмешки мой разгорячившийся друг. – И вот ты нащупываешь странный слой в своём видении происходящего, и из него вытаскиваешь на свет мысль: а ведь дело, пожалуй, не в том, что ты родился отнюдь не гением (спасибо, что всё же не идиотом) и развиваешься постепенно, набираясь опыта и мастерства с каждой следующей книгой, – совсем не в том. Ты начинаешь подозревать, что ни талант, ни опыт вообще не имеют отношения к «самой луч-

шей». Ты озадачен и желаешь продолжения крамольной во всех отношениях мысли, и снова лезешь к её источнику – но когда принимаешься шарить более активно (однако же вслепую), намекающие на что-то проблески уходят в тёмную глубину неосознаваемого, а все твои прочие (ясно различимые, «правильные» и контролируемые – примитивные) рассуждения неизменно приводят к выводу, что самая лучшая книга – просто-напросто недостижимый идеал, миф, и никогда не будет написана по определению. Неразрешимый вот такой парадокс!...»

Он рассказывал взахлёб, с блеском одержимости в глазах. А я просто кивал снисходительно, не вникая толком: чем бы дитя не тешилось...

«Знаешь, я обнаружил занятную вещь... – заявил Кешка в другой раз. – Если, к примеру, читать произведения одного автора в порядке их создания (не публикации!), то за развитием мастерства, за поворотами сюжетов, за характерами и взаимоотношениями героев, – за всей этой хохломой можно уловить общий вектор, смысл, поступательное движение сочинителя текстов к неосознаваемой им на самом деле цели. Здесь даже не имеет значения продуманность сюжетов или идеальная грамотность: важен внутренний посыл, который пробивается сквозь стиль и художественные изыски независимо от воли автора, развивается (или угасает) от книги к книге. Теперь я чувствую – лучшая книга, она растворена

в сути отдельных произведений, этих фрагментов единого текстового стержня, и чем фрагментов больше, чем они разнообразнее, тем сильнее будоражит сознание отчётливое понимание: там, в этом овеществлённом неистовым бумагома- ранием потоке творчества, что-то есть!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.